

© А.А. ЛЫМАРЬ

Тюменский государственный университет
grants@utmn.ru

УДК 930.85

МИФ И МИФОЛОГИЗАЦИЯ: ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

MYTH AND MYTHOLOGIZATION: DEVELOPMENT AND PROBLEMS OF CONCEPTUALIZATION

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается история эволюции и концептуализации понятия мифа и процесса мифологизации как социальных феноменов. Выделяется два наиболее значимых направления современности (ими являются психологическое, представленное в работах К.Г. Юнга и Э. Кассирера и историко-семиологическое у Р. Барта), сквозь призму которых отдельно рассматривается зарождение феномена и зарождение концепта. Делается вывод о несовместимости данных направлений исследований и невозможности комбинаций одних теорий с другими, что нередко происходит в современной науке. Автор акцентирует внимание на том, что речь идет о двух разных феноменах, которые хоть и могут использоваться в одном прикладном русле, но являются различными по существу. При этом в исторической науке более плодотворным видится теория Р. Барта, которая позволяет анализировать процессы в контексте исторических событий, а не только использовать для их объяснения стандартный набор архетипов, сформированных в эпоху первобытного общества.

SUMMARY. The article considers the development of myth and mythologization process as social phenomena. There are two modern approaches which study the origins of the concept and the phenomenon: physiological approach based on the concepts of C.G. Jung and E. Cassirer and historic-semiotic approach based on the concepts of R. Barthes. It is concluded, that these approaches are incompatible and it is impossible to combine different theories and that is quite typical for modern science. The author focuses attention that these are two different phenomena which can be used in one applied problem, but they are of different nature. It is stated that R. Barthes's theory is the most effective for historical science as it allows analyzing the processes in a historical context rather than using an ordinary set of archetypes formed in primitive society to explain their nature.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Миф, мифологизация, идеология, стереотип, архетип, семиология, психика, история, историзм, культура, Ролан Барт, коннотация, язык, сознание.

KEY WORDS. Myth, mythologization, ideology, stereotype, archetype, semeiology, psyche, history, historical method, culture, Roland Barthes, connotation, language, consciousness.

Мифологизация — это в первую очередь глагол, производный от понятия «миф». Поэтому для начала нужно сказать несколько слов о мифе, полисемия которого в современной научной литературе заставила И. Ильина писать, что миф — «самоочевидная исходная посылка в исследовательских суждениях или, точнее, по природе своей, сущностно-оспариваемое понятие» [1; 79].

В своей работе «Мифологическое сознание как способ освоения мира» (1991) В.М. Пивоев выделял пять различных явлений, которые обозначаются этим термином:

- 1) древнее представление о мире, результат его освоения;
- 2) сюжетно оформленную и персонифицированную догматическую основу религии;
- 3) используемые в искусстве древние мифы, которые функционально и идейно переосмыслены, превращены, по существу, в художественные образы;
- 4) относительно устойчивые стереотипы массового обыденного сознания, обусловленные недостаточным уровнем информированности и достаточно высокой степенью доверчивости;
- 5) пропагандистские и идеологические клише, целенаправленно формирующие общественное сознание [2; 48].

Мифологизация — это процесс образования мифа. В рамках такой постановки проблемы на современном этапе необходимо отбросить первый и второй пункты. Пункт третий целиком принадлежит искусствоведению.

Разница между пунктами четыре и пять сформулирована несколько расплывчато, так как клише и стереотип — почти синонимы, категория идеологии неопределенна, а недостаточный уровень информированности и даже степень доверия одинаково относятся к обоим пунктам, а не только к четвертому. Подходя к вопросу с теоретических позиций, эту разницу можно сформулировать на основе позиции агента в процессе формирования мифа. В первом случае (пункт 4), позиция агента как таковая отсутствует, миф самозарождается и самораспространяется в обществе, как удобная экспликативная модель, и поддерживается до тех пор, пока обстоятельства недостаточной информированности позволяют это. Во втором случае агент представлен как намеренно преобразующий информационное поле для формирования необходимых ему установок у целевой группы, и как следствие — перераспределения капитала в социокультурном пространстве.

Тем не менее, в каждом из этих пунктов существует два принципиально разных направления, каждое по-своему определяющее главную дефиницию — миф. Смещение данных направлений неизбежно ведет к спору о понятиях, к доказыванию того, что термин «миф» должен обозначать нечто другое. Так и происходит, например, в статье «Миф в зеркале семиотических концепций», где автор пишет: «...нам представляется ошибочной идея вторичности мифа по отношению к языку. Навряд ли можно считать, что мифологизация возникает в результате развития и трансформации естественного языка. Скорее следует признать, что мифологизация — результат определенных процессов мышления, результат деятельности сознания в поисках смысла» [3; 110].

Видимо, осознание различия двух этих феноменов по-прежнему затруднено, чем мы, безусловно, обязаны совпадению лексических единиц. Статья Е.И. Кириленко «Р. Барт и М. Элиаде: два опыта истолкования мифа» показы-

вает именно различие двух этих концептов. Удивительно, однако, что автор в итоге приходит к выводу, что «в гетерогенности современного культурного опыта обе позиции истолкования мифа органичны» [4; 70]. Вероятно, желая заострить внимание именно на гетерогенности современного культурного опыта, т.е. как раз на различии, автор, тем не менее, больше запутывает других исследователей, говоря об органичности.

Родоначальниками первого направления могут считаться К.Г. Юнг и Э. Кассирер. Э. Кассирер в 1923-1929 гг. написал свою основную работу — «Философия символических форм» в трех томах, где разработал теорию мифа и мифологического мышления в рамках своего понимания философии культуры. Миф для Э. Кассирера — самостоятельная форма мышления, познания мира. Эта форма, по его мнению, противоположна научному познанию и предшествует ему — согласно линейной шкале исторического развития. Тем не менее это не означает, что ныне мифологическое мышление исчезло, и его исследование — удел истории. Оно осталось и, более того, принципиально не изменило свою сущность. Э. Кассирер писал: «если мы попытаемся разложить наши современные политические мифы на их составные части, то обнаружим, что они не содержат ни одной новой черты. Все они были уже достаточно хорошо известны» [5; 60]. Как видно, окончание мифологической стадии только завершает процесс формирования мифов и мифологического мышления, которые после продолжают использоваться, т.е. выступают одним из факторов, оказывающих влияние на поведение людей и, следовательно, процессов, происходящих в социуме.

Мифологическое мышление по сей день присутствует в человеке где-то глубоко внутри и проявляется так, что он сам не осознает его влияния. Набор мифов, сложившихся в каждой конкретной культуре, принципиально не изменяется.

Обретая новые формы, мышление по существу остается тем же, что и много веков назад. Наиболее сильно такое мышление проявляется в кризисных ситуациях, когда человек не видит рационального выхода из сложившихся обстоятельств или этот выход его не устраивает. «Во всех случаях, когда можно прибегнуть к сравнительно простым техническим средствам, обращение к магии исключается» [5; 64].

Разработанная К.Г. Юнгом концепция «коллективного бессознательного» во втором десятилетии XX в., в части представления о мифе во многом совпадает с описанной Э. Кассирером теорией. Они практически идентичны, за небольшим отличием в терминологии и методологии, и практически не противоречат друг другу. Понятие «миф» К.Г. Юнг использовал в значении древнего представления о мире, повествовании о богах, духах, обожествленных героях, первопредках и только. Неосознаваемая человеком область психики, в которой сосредоточены архаические структуры, объясняющие мироздание и моделирующие поведение, называлась у него коллективным бессознательным, а сами эти структуры — архетипами [6].

Так, то, что по Э. Кассиреру следует называть мифом и мифологическим сознанием, у К.Г. Юнга названо архетипом и коллективным бессознательным соответственно. Примечательно, что сам К.Г. Юнг считал, что мифология не создана для объяснения мира, а представляет собой выражение эмоциональных переживаний человеческой души.

По существу, теории К.Г. Юнга и Э. Кассирера относятся к процессу мифологизации, они постулируют связь между древними мифами, которые использовались для описания мира, и современными клише общественного сознания, которую можно характеризовать следующим образом: современные клише, сформированные с опорой на древние мифы, являются незыблемой и постоянной характеристикой человеческого поведения. Именно эту связь выделяет в своей работе «Политическая мифология» А. Цуладзе, деля стереотипы на вечные и временные [7].

По сути, мифы Э. Кассирера и К.Г. Юнга — стереотипы или клише общественного сознания, структура которых тождественно соотносится с древними мифами. Такая формулировка проблемы на самом деле заслуживает отдельного пункта в классификации, которого нет у В.М. Пивоева, поскольку лишь частично совпадает с первым, четвертым и пятым пунктами. В отечественной литературе инструментарий, созданный теориями Э. Кассирера и К.Г. Юнга, получил весьма широкое распространение, его использовали и часто используют в исследованиях как удобную экспликативную теорию, с помощью которой объясняют практически любые процессы — от рекламы стирального порошка до политических переворотов.

Второе направление принадлежит перу Р. Барта, который изложил свою теорию в эссе «Миф сегодня» и монографии «Мифологии» [8].

Особость положения бартовской теории заключается в том, что она кардинально отличается от всех предыдущих: Р. Барт вырывает миф из области антропологии и истории, перенося его полностью в сферу языка. Прежде всего миф Барта — не история или рассказ, миф — это форма, содержание которой потенциально может быть совершенно любым. Так, он отмечал: «... с самого начала необходимо твердо заявить, что миф представляет собой коммуникативную систему, некоторое сообщение. Отсюда явствует, что это не может быть ни вещь, ни понятие или идея; это форма, способ обозначения. Далее нам придется заключить эту форму в исторические рамки, определить условия ее применения, вновь наполнить ее социальным содержанием; но прежде всего ее следует описать как форму» [8; 265].

В названных работах Р. Барт ни разу не упоминал ни Э. Кассирера, ни К.Г. Юнга, ни М. Элиаде, никак не связывая свой «миф» с архаическим сознанием, древними народами или какими-то глубинными структурами психики. Даже от связи с другими авторами, относимыми к структуралистскому направлению (в частности, К. Леви-Стросса), он дистанцировался. Так, в эссе «L'activité structuraliste» Барт задавал вопрос: что такое структурализм? И отвечал: это ни школа, ни даже движение (во всяком случае пока), потому что большинство авторов, которые используют это слово, не чувствуют никакой связи между собой, ни общностью доктрины ни общностью борьбы. С трудом можно говорить даже об общности используемой лексики [9].

Все это говорит прежде всего о том, что словом «миф» Р. Барт обозначал совершенно иное явление. С очевидностью это прослеживается и далее, если обратиться к примерам, которые он приводит в эссе «Миф сегодня». Вот один из них: я являюсь учеником пятого класса французского лицея; я открываю учебник латинской грамматики и читаю там следующую фразу, взятую из Эзопа или Федра: «потому что я зовусь львом». Я останавливаюсь и размышляю:

в этом предложении двойной смысл. С одной стороны, слова имеют простой и хорошо понятный смысл: потому что я зовусь львом. С другой стороны, эта фраза здесь, очевидно, чтобы сказать мне нечто совсем другое; адресованная мне, как ученику пятого класса, она ясно говорит: я являюсь грамматическим примером, призванным проиллюстрировать правило согласования сказуемого [8; 273]. Ни с какими архетипами или архаическим мышлением увязать этот миф невозможно.

По собственному признанию Р. Барта, «Мифологии» писались регулярно, месяц за месяцем в течение примерно двух лет (1954-1956 гг.) и были откликами на современные ему события, происходившие в политической и социальной жизни общества. «Я попытался подвергнуть систематическому осмыслению некоторые мифы, порожденные повседневной жизнью современной Франции» [8; 71], писал он в предисловии к изданию «Мифологий».

Миф у Р. Барта тесно связан с идеологией, которую он, как и все «левые» интеллектуалы его времени, трактовал в рамках марксистской традиции. В самом общем смысле идеология — искаженное отражение социальной действительности, выражающее интересы определенных групп, стремящихся сохранить существующий порядок вещей. Инструментом для этого искажения и является миф, а мифология в социальных науках становится подобна эвристике и софистике в риторике.

Мифология входит в состав двух наук — семиологии и истории, или, как пишет Барт: «...семиологии, как науки о формах, и идеологии, как исторической науки...» [8; 269]. В первую — поскольку миф — знаковая форма, особый способ означивания, во-вторую, поскольку язык-объект наделен множеством исторически сложившихся коннотаций, на которых, собственно, и «паразитирует» миф.

Цель работы мифолога Барт видит прежде всего в демифологизации, разоблачении всех современных ему искажений. Подобно тому, как когда-то Аристотель разработал свою «Логику» для противостояния софистам, Р. Барт видел будущее мифологии как инструмента для борьбы с идеологией.

Теория и практика изучения процессов мифологизации чаще всего базируется на теориях Э. Кассирера, К.Г. Юнга и их последователей. Точнее будет сказать, что на основе их теорий чаще всего употребляются термины «миф» и «мифологизация». Кроме того, сравнительно недавно «миф» обретает новое значение, что не означает, что данный феномен, хотя бы отчасти, не изучался ранее. В связи с этим во всех работах до XX в. и отчасти в работах сегодняшних дней, посвященных исследованию процессов мифологизации в современном смысле, сами категории «миф» и «мифологизация» не встречаются.

Как уже говорилось, термин «миф» наделяется современным значением примерно с середины XX века. Отправной точкой, вероятно, можно считать работу Р. Барта «Мифологии», где «миф» как понятие используется для обозначения явлений, ранее им не обозначаемых. Безусловно, «миф» Р. Барта понятие более специфическое, но генезис его прототипа, на наш взгляд, следует вести со времен древнегреческих софистов, а именно — с их основ красноречия и риторики.

Именно тогда зарождается способ искажения реальности, убеждения и управления с помощью текста (в широком смысле, включая устную речь).

«Логика» Аристотеля пишется в противовес софистам, объясняя риторические приемы, которые становятся ошибками в логике, Аристотель разоблачает софистов [10]. Так, в рамках данного направления деятельность софистов по развитию риторики, а деятельность Аристотеля — по развитию логики, можно считать первыми примерами мифологизации и демифологизации, а первые риторические приемы, искажающие реальность, можно называть мифами (хотя в то время миф еще не имеет данного значения).

Вторым этапом развития того, что впоследствии у Р. Барта получит название мифа, следует считать эпоху схоластики, особенно поздней. Христианское учение противоречит аристотелевской логике, в связи с чем возникает ряд его адаптаций (ересей), с которыми Церковь вынуждена бороться. Своего апофеоза эта борьба (в виде научной дискуссии) достигает в деятельности Ф. Аквинского, который адаптирует учение Аристотеля к учению Церкви, создавая свою концепцию. В своих трудах Аквинский ограничивает область применения аристотелевской логики и обосновывает наличие и правомерность использования догм [11]. Мифами в данном случае становятся сюжеты, развиваемые из догм посредством логики. Процессы мифологизации и демифологизации в данном случае практически совпадают, демифологизацией считается мифологизация, доказывающая несостоятельность другой. Развитие схоластики — не что иное как непрерывная мифологизация. Пример такого мифотворчества позднее высеивает Вольтер в своих «Вопросах о чудесах» [12].

Следующий этап связан с разделением наук на «науки о природе» и «науки о духе» Р. Декарта. Природа признается познаваемой, и с одной стороны выводится из под власти догм, с другой — основой для познания, согласно Декарту, должны стать «самоочевидные исходные посылки» [13]. У Ф. Бэкона такой посылкой становится опыт [14], и что касается вопросов природы, то по большей части они выводятся из пространства мифотворчества. Акцент смещается в сторону т.н. наук о духе, где в какой-то степени сохраняется догматическая риторика, но в условиях кризиса Церкви (эпоха реформации), сами догмы становятся неясными, а то и вовсе отрицаются. На первый план снова выходят красноречие и убедительность, отточенная за схоластический период риторика становится главным орудием, опираясь на житейский опыт людей и его экстраполяцию, часто поспешную. Мифами становятся стереотипы (хотя у термина «миф» в то время нет данного смысла, а понятия «стереотип» еще не существует). Мифологизацией следует называть процессы формирования стереотипов, описанные, например у J.-F. Dubost в «Les stéréotypes nationaux à l'époque moderne (vers 1500 — vers 1800)» [15] на примере формирования национальных стереотипов в классическую эпоху.

Определение данного феномена как мифа актуально по сей день и нередко используется. Н.И. Шестов писал: «социально-политический миф можно определить как устойчивый и эмоционально окрашенный стереотип восприятия политических реалий прошлого и настоящего, порожденный потребностью ориентации личности и общественных структур в политическом процессе» [1; 79]. В.М. Пивоев в работе «Мифологическое сознание как способ освоения мира» выделял пять различных явлений, которые обозначаются термином «миф», одним из которых было «относительно устойчивые стереотипы массового обыденного сознания, обусловленные недостаточным уровнем информированности и достаточно высокой степенью доверчивости» [2; 48].

В XVII в. А. Дестют де Траси и Э. де Кондильяк вводят термин «идеология» для обозначения учения об идеях, понимаемого ими как учение об общих закономерностях происхождения идей из содержания чувственного опыта. Данное учение должно было выступать основными принципами для руководства, как в науке, так и в социальной жизни. Впоследствии К. Маркс использует это понятие и определяет его как надстройку, зависящую от базиса, которая выражает специфические интересы определенного класса, выдаваемые за интересы всего общества через ложное сознание [16]. Схожим образом оно определяется у его последователей: А. Грамши [17], Л. Альтюссера [18], Д. Лукача [19]. Их «идеология» фактически вплотную приближается к рассматриваемому понятию мифа или системы мифов, хотя не называется так еще вплоть до середины XX века, когда Р. Барт определяет идеологию как миф — коннотативную систему приписывающую объектам не прямые значения [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 414 с.
2. Тихонова С. В. Социально-онтологический статус мифа // Философия и общество. 2008. № 3. С. 48.
3. Борко Т.И. Миф в зеркале семиотических концепций // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 2. С. 105-110.
4. Кириленко Е.И. Р. Барт и М. Элиаде: два опыта истолкования мифа // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 297. С. 66-70.
5. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. Сер. 7, Философия. 1990. № 2. С. 60.
6. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: АСТ, 2001. 397 с.
7. Цуладзе А. Политическая мифология. М.: Эксмо, 2003. 384 с.
8. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 384 с.
9. Barthes, R. Essais critiques. Paris, 1964 // Библиотека світової літератури. Оригінали та переклади. URL: http://ae-lib.org.ua/texts/barthes__essais__critiques__fr.htm#28 (дата обращения: 05.12.2013).
10. Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 312 с.
11. Аквинский Ф. Сочинения. М.: Либроком, 2013. 264 с.
12. Вольтер Ф. Бог и люди. М.: Мир книги, 2010. 368 с.
13. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках и другие философские работы М.: Академический проект, 2011. 336 с.
14. Бэкон Ф. Новый Органон. М., 2002.
15. Dubost, J-F. Les stéréotypes nationaux à l'époque moderne (vers 1500 — vers 1800) Mélanges de l'Ecole française de Rome. Italie et Méditerranée T. 111. № 2. 1999. Pp. 667-682.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М.: Изд-во политической литературы, 1955. 650 с.
17. Грамши А. Избранные произведения. М.: Изд-во политической литературы, 1980. 422 с.
18. Althusser, L. On Ideology. London: Verso, 2008. 179 p
19. Лукач Д. Политические тексты. М.: Три квадрата, 2006. 336 с.

REFERENCES

1. Shestov, N.I. *Politicheskii mif teper' i prezhde* [Political myth: past and present]. Moscow, 2005. 414 p. (in Russian).
2. Tikhonova, S.V. Ontological character of the myth. *Filosofia i obshchestvo — Philosophy and Society*. 2008. № 3. Pp. 48. (in Russian).

3. Borko, T.I. Semiotic conceptions of the myth. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2004. № 2. Pp. 105-110. (in Russian).
4. Kirilenko, E.I. R. Barthes and M. Eliade: two approaches to interpretation of the myth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Tomsk State University*. 2007. № 297. Pp. 66-70. (in Russian).
5. Cassirer, E. The technique of the modern political myths. *Vestnik MGU. Ser. 7, Filosofia. — Bulletin of Moscow State University. Philosophy*. 1990. № 2. Pp. 60. (in Russian).
6. Jung, C.G. *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious]. Moscow, 2001. 397 p. (in Russian).
7. Tsuladze, A. *Politicheskaya mifologiya* [Political mythology]. Moscow, 2003. 384 p. (in Russian).
8. Barthes, R. *Mifologii* [Mythologies]. M., 2008. 384 p. (in Russian).
9. Barthes, R. *Essais critiques*. Paris, 1964. (in French). URL: http://ae-lib.org.ua/texts/barthes___essais_critiques___fr.htm#28. (accessed date: 05.12.13).
10. Akhmanov, A.S. *Logicheskoe uchenie Aristotelia* [Logic of Aristotle]. Moscow, 2002. 312 p. (in Russian).
11. Aquinas, T. *Sochineniia* [Essays]. Moscow, 2013. 264 p. (in Russian).
12. Voltaire. *Bog i liudi* [God and Peoples]. Moscow, 2010. 368 p. (in Russian).
13. Descartes, R. *Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravliat' svoi razum i otyskivat' istinu v naukakh i drugie filosofskie raboty* [The method to conduct one's reason and to seek the truth in sciences]. Moscow, 2011. 336 p. (in Russian).
14. Bacon, F. *Novyi Organon* [Novum Organum Scientiarum]. Moscow, 2002. (in Russian).
15. Dubost, J-F. Les stéréotypes nationaux a l'époque moderne (vers 1500 — vers 1800) *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Italie et Méditerranée* T. 111. № 2. 1999. Pp. 667-682.
16. Marx, K., Engels, F. *Soch. T. 3* [Essays. Vol. 3]. Moscow, 1955. 650 p. (in Russian).
17. Gramsci, A. *Izbrannye proizvedeniia* [Selection]. Moscow, 1980. 422 p. (in Russian).
18. Althusser, L. *On Ideology*. London: Verso, 2008. 179 p.
19. Lukács, G. *Politicheskie teksty* [Political texts]. Moscow, 2006. 336 p. (in Russian).

Автор публикации

Лымарь Андрей Александрович — начальник отдела научных грантов и контрактов Тюменского государственного университета

Author of the publication

Andrey A. Lyamar — Head of the Department of Grants and Contracts, Tyumen State University